

жизненной ситуации. Более того, сверхкороткое повествование, к которому стремился Голявкин, особенно выразительно. Оно «дисциплинирует писателя». Речь идет о дисциплине особого рода — писатель должен ограничивать себя в рассуждениях, пусть говорят сами герои. Вот почему так много у Голявкина диалогов. Правда, диалоги эти особые — в них собеседники не могут услышать и понять друг друга.

В рассказе «*Тетрадки под дождем*» два школьника решили сбежать с урока, но успели только спустить за окно портфели, как прозвенел звонок. Тетрадки с выполненным домашним заданием оказались под дождем. Вот как дети обсуждают сложившееся положение:

Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Ответы повторяют вопросы, усиливая безвыходность ситуации. Эта безвыходность достигает апогея во время разговора с учителем.

— Ты не заболела случайно?

— Заболел, — говорю.

— А с домашним заданием как?

— Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

— А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

— Придется тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождем.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

— Какой-то сегодня ты странный....

Странный не ученик, а сама ситуация, в которой он оказался, — за сделанное домашнее задание приходится получить двойку. Налицо полная бессмыслица, абсурд, и порождает его сама школьная жизнь, где строго определены «правила игры», а дети в силу возраста, а иногда и характера их постоянно нарушают. Ученик по фамилии Цыпкин забрался в шкаф, чтобы мякнуть во время урока («В шкафу»). Эта неудавшаяся шутка обернулась для Цыпкина драматическими последствиями: возле шкафа, в котором он оказался заперт, собралась вся администрация школы.

— Ну, выходи, — сказал директор. — И объясни нам, что это значит. Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытаскили из шкафа.

Я все время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мякнуть. Но как я сказал бы об этом....

Директор и ученик не понимают друг друга, потому что оказались вне установленного порядка. Каково же удивление ребенка, когда учитель ведет себя «не по правилам». Забравшись под парту во время урока, ученик с воодушевлением думает, как же удивится учитель, заметя его отсутствие: «Станет спрашивать, куда я делся, — вот смеху-то будет!» Но сидеть под партой очень неудобно, пришлось вылезать. Реакция учителя оказалось неожиданной:

Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Подобная неожиданность и рождает смех. Смешна и наивность ученика, который встречает учителя не в школе, а на улице. Он со страхом ждет учительских вопросов про домашнее задание и удивляется тому, что учитель не спрашивает его, а шутит и смеется («Всему свое место»).

Название последнего рассказа имеет характер долженствования (такие лаконичные названия-уроки характерны для Голявкина) — всему должно быть свое место. Отказ от этого жизненного правила и приводит героя ко всяким школьным неприятностям, из которых он пытается найти выход, и как правило удачно. В рассказе «*Яндреев*» ученик считает, что все его школьные беды из-за фамилии («с моей фамилией пропадешь») — она начинается с буквы «А», поэтому часто приходится отвечать у доски. Тогда он придумывает себе фамилию Яндреев («я тогда отличником сразу буду»). Развязка, как всегда в рассказах Голявкина, парадоксальна — учительница говорит: «Иди, Яндреев, урок отвечать», и результаты ответа нетрудно предугадать.

В рассказе «*Два подарка*» мальчик получил в подарок от папы ручку с золотым пером. Этим пером учительница поставила ему двойку.

— Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? — сказал Алеша. — Вот так номер! Какой же это подарок?

Учительница улыбнулась и сказала:

— Ручку тебе подарил папа, а сегодняшний «подарок» ты себе сам сделал.

Все развязки в рассказах Голявкина происходят как бы без участия автора — это персонажи разговаривают между собой. Не вмешивается писатель и в монолог героя, оставляя за ним послед-